

Элизабет О'Коннор

КИТ
на
отмели

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44
О-51

Elizabeth O'Connor

WHALE FALL

Copyright © Elizabeth O'Connor 2024

Фотография на обложке:

© Mervyn O'Gorman / Royal Photographic Society Collection /
Victoria and Albert Museum, London / Gettyimages.ru

Перевел с английского *Арам Оганян*

О'Коннор, Элизабет.

О-51 Кит на отмели / Элизабет О'Коннор ; [перевод с английского А. Оганяна]. — Москва : Эксмо, 2025. — 224 с.

ISBN 978-5-04-197792-4

1938 год. К берегу отдаленного валлийского острова прибило мертвого кита. Для Манод, молодой девушки, которая провела здесь всю свою жизнь вместе с отцом и сестрой, он кажется одновременно и предвестником гибели, и символом того, что может лежать за пределами привычного мира.

На остров приплывают два английских этнографа, которые надеются изучить местную культуру. Чем дальше они остаются, тем сильнее Манод чувствует, что ее тянет к ним, тянет куда-то туда, где ее еще не было...

Сможет ли Манод сопротивляться желанию сбегать с родного острова и покинуть общину, которая была для нее всем?

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-04-197792-4

© Оганян А., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

КИТЫ И КЕЛЬТЫ

Записки переводчика

Журнал «Обсервер» внес роман Элизабет О'Коннор «Кит на отмели» в десятку лучших дебютных романов 2024 года. Э. О'Коннор также известна как автор коротких рассказов и была удостоена премии литературно-художественного журнала «Уайт ревью» за лучший короткий рассказ 2020 года. Университет Бирмингема присвоил О'Коннор докторскую степень по английской литературе.

К Уэльсу, расположенному на полуострове на западе Великобритании и омываемому Ирландским морем на севере, проливом Святого Георга на западе и Бристольским заливом на юге, относятся более 50 прибрежных островов, крупнейшим из которых является Англси на северо-западе. Судьба многих реально существующих островов схожа с той, что уготована вымышленному острову в романе О'Коннор. Описанные в романе персонажи, этнографы из Англии, тоже вымышленные, имеющие реальные прототипы, о которых пишет автор в примечаниях к тексту.

Роман «Кит на отмели» — это дневник девушки по имени Манод Ллан о жизни на родном острове. Он чередуется с дневниковыми записями англичан — Джоаны и Эдварда, прибывших из иной культурной среды. Таким образом, читатель видит жизнь острова глазами людей с разным мировосприятием. Для Манод жизнь на острове — ежедневное выживание в противоборстве с суровой природой. А Джоана пытается идеализировать остров, восхищаясь его природой. На этой почве возникает непонимание между Манод и Джоаной из-за того, что Манод не приемлет тот образ, который Джоан и Эдвард пытаются навязать острову в своем «научном» труде. Манод вступает в конфликт с англичанами из-за того, что те подвергают опасности рыбака Джона ради эффективной фотосъемки, не имеющей ничего общего с методами рыбной ловли на острове.

Англичанам не доверяют. Отец говорит Манод, что скоро начнется война и «находиться среди англичан не очень хорошая идея». Джоан и Эдвард свысока относятся к островитянам. Под влиянием Джоаны и Эдварда Манод захотела переехать, чтобы продолжать учебу и увидеть мир, вырваться из сурового быта, избежать раннего замужества и, возможно, вдовства, потому что век рыбака короток. Но ее удерживает необходимость заботиться о младшей сестре и стареющем отце. Англичане уезжают, не попрощавшись, «по-английски»¹, и в довершение

~~~~~
¹ Когда англичане хотят сказать «уйти по-английски», то употребляется выражение «to take a French leave» — «уйти по-французски».

ко всему обманом увозят взятые у нее на время вышивки.

То, чего нет в дневниках, дополняют записи народных песен и стихов, а также жутковатых легенд. Туша кита, выброшенная на берег, вызывает ассоциации с одной из легенд про разлад в природе из-за неправомысленных действий человека. И человек, рассказывающий легенду, встревожен, говоря, что, наверное, грядет большая беда, раз кита прибило к берегу. Кит внушает страх суеверным островитянам, которые верят в приметы, призраков и злых духов.

Действие романа происходит накануне Второй мировой войны, и на острове ощущается неизбежность новой катастрофы. А тут еще кита выбросило на берег — явно не к добру. Ведь раны, нанесенные острову Первой мировой войной, с которой не вернулись многие мужчины, еще не зажили. Жизнь на острове тяжела и без войны. Люди с трудом сводят концы с концами, занимаясь рыболовством. (И парадоксально, что никто на острове не умеет плавать, даже рыбаки.)

Тяготы жизни не ожесточают островитян. Всем островом, в лютую непогоду, рискуя жизнью, они ищут пропавшего ягненка, а потом хозяйка отогревает найденыша в собственной постели. Сообща выходят в море и на работу, понимая, что иначе не смогут выжить в суровых условиях.

Манод — выпускница местной школы — знает помимо родного валлийского языка еще и английский. И может подрабатывать у прибывших англичан, делая для них переводы, ведь многие островитяне не

знают английского. Например, Линос — младшая сестра Манод — даже не хочет учить английский, потому что на острове он «не нужен». Здесь говорят на островном диалекте валлийского языка.

Валлийский язык, он же кимрский язык, или Сумгаег, относится к британской группе кельтских языков индоевропейской семьи. Около 29% населения современного Уэльса в той или иной мере сохраняет свой язык. Для валлийцев, потерявших остатки независимости в XVI веке, язык является залогом сохранения своей идентичности, поэтому его поддержанию уделяется большое внимание: недаром рефрен валлийского гимна заканчивается строчкой «Да пребудет древний язык» (O bydded i'r hen iaith barhau).

С 1798 года до начала XX века в Уэльсе учителя по собственной инициативе запрещали детям говорить в школе на валлийском языке, чтобы знание английского служило залогом успеха в англоязычном обществе (в бизнесе, суде, делопроизводстве и т. д.), а провинившимся вешали на шею табличку «Нет валлийскому» («WN» или «Welsh not»)¹. Нравилось это

---

¹ Аналогичным образом в колонизованной Ирландии англичане пытались нанести удар сразу по двум важным составляющим ирландской культуры — гэльскому языку и Католической церкви, преследуя по закону тех, кто говорил на этом языке и исповедовал католицизм. Ирландцы сохранили гэльский язык, хотя ему был нанесен большой урон. Те же задачи, например, решают армянские общины в разных частях света, прилагая усилия по сохранению родного языка (см. рассказ У. Сарояна «Ah-Ha, The Cat Saw the Mouse», 1965, перевод А. Оганяна).

не всем, например, отец делает замечание Манод за случайно оброненное английское слово: «Теперь ты и дома говоришь по-английски?» Для валлийцев именно язык является основой их идентичности, об этом свидетельствует пословица: «Народ без языка – народ без сердца» (Cenedl heb iaith – cenedl heb galon).

Главными национальными символами Уэльса являются Красный дракон, или И-Драйг Гох (Y Ddraig Goch), присутствующий на национальном флаге Уэльса, а также лук-порей и нарцисс (ср.: у англичан – роза, у шотландцев – чертополох, у ирландцев – трилистник). Уэльс – родина легенд о короле Артуре, Камелоте и рыцарях Круглого стола.

Валлийские фольклорные персонажи присутствуют в рассказах островитян, например, «тюлений народец», или «шэлки» (selkies). Они родом из кельтской и скандинавской мифологии, способны сбрасывать тюленьи шкуры и предстать в женском/мужском обличье. Земные мужчины прячут их шкуры и женятся на них. (Эта легенда отдаленно напоминает то, как Иван-царевич сжег лягушачью кожу Царевны-лягушки. Во всяком случае, оба персонажа принадлежат водной стихии.) Недовольные своим браком земные женщины рожают детей от «тюленьих» мужчин.

Автор подробно описывает валлийский праздник Мари Луид, к которому островитяне загодя готовятся. Линос – младшая сестренка Манод – не пугается страшилищ с конскими черепами, а гладит и целует их.

Любопытно, что на празднике пригодился и череп кита, который, видимо, больше не внушает страха. Из пугала кит превратился в предмет реквизита для праздника. Бремя треволнений, недобрых предчувствий и обид сброшено с плеч долой; забрезжила надежда на лучшее вопреки дымному следу в небе, который не предвещает ничего хорошего. Сбудутся ли надежды Манод на большой земле, где ее наверняка ждут новые испытания?

Арам Оганян

Ереван,

18 ноября 2024 года

Долго же я созерцал эту землю,
Сиясь понять свое
Место на ней.

Р.С. Томас «Те, другие»

Так проходят на острове времена года — сперва солнце и весна набираются сил вместе с птицами. Перед серой зимой пернатые покидают остров и возвращаются, когда из почвы появляются проростки. Гагарки черными призраками снуют под водой. Моевки и олуши падают с небес. Поначалу мы их не замечаем. Дети, бывает, гоняются за ними по скалам, рыбаки спихивают веслами с сетей. На исходе весны их тени мельтешат по всему острову. Буревестники, ласточки, крачки. К лету они растят птенцов и ныряют в воду.

Моевки подбираются к нашим домам ближе всех остальных, выхватывая объедки из мусора на дворе. Они усаживаются на крыши, и издали кажется, что дома утыканы клиньями их серых крыльев. Они обживают кровлю, устилая ее серебристым слоем перьев и помета; мешают нам спать, мечутся по черепице, устраивая потасовки. Иногда бьются на лету, оставляя друг на друге красные отметины. Из клюва на каменный двор роняют рыбу, которая,

извиваясь, протискивается в дыры и трещины, а потом оттуда месяцами несет тухлятиной. От жары скучиваются птичьи запахи, крики, дохлые розоватые птенцы.

Летом островитянки заново выбеливают жилища. Они идут в известняковую пещеру на западе острова, чтобы растолочь породу в мелкое крошево. Моя мама всегда возвращалась с запорошенными руками. К чему бы она ни прикоснулась, повсюду оставались крупинки. Иногда пигменты придавали краске желтоватый или голубоватый оттенок вместо белоснежного. В один год дома́ по всей округе окрасились в бледно-розовый цвет, который нет-нет да проступает наружу из-под облупившихся слоев.

После лета холод ходит вокруг да около, потом обрушивается, как бульжник. Птицы исчезают одна за другой. Бросают гнезда на утесах с кладками яиц. Осенью море закипает, словно котел на огне. Птицы улетают, и лету конец.

Зима. Мы жмемся к очагу, спим в одной постели. Море подкрадывается к двери, плещется о берег. На горизонте серый лед. Мы краснеем от ветра. На Рождество мы варим рыбу, затем забиваем овцу и остов бросаем в воду. К весне волны прибивают его к берегу, а птицы налетают и доедают. После того как овцы начисто вытравят пастбище, их перегоняют на другое место.

Сентябрь

Ночью на отмель выбросило кита, который виднелся из-под воды словно кот, притаившийся за дверью. Никто его не заметил — ни люди с маяка, озаряющего воду, ни рыбаки, что вышли ночью ловить хека и камбалу, ни фермеры, перегонявшие скот по холму на рассвете. Овцы на утесах и те не встревожились. Под толщей темной воды туша кита излучала зеленоватое свечение.

К утру туша всплыла и лежала на пляже у кромки воды. На нее уселись птицы. Прилив облицевал берег плоскими широкими зеркалами воды в тонком обрамлении песка. Волны обволакивали кита, подобно оболочке вокруг нежной сердцевины, и откатывались назад.

Некоторые рыбаки говорили, что кит заблудился. Они видели китов в открытом море, но редко когда вблизи. Несколько человек постарше говорили, что это какое-то предзнаменование, но расходились во мнениях, доброе оно или плохое. Преподобный Джонс, неделями читавший английские газеты, сказал, что не нашел в них объ-

яснений пришествия чудовища. В начале месяца в море снова вышел военный флот. Преподобный туманно намекнул на радары, и один фермер кивнул, промолвив — «подлодки».

Кто-то приволок из дому большой коробчатый фотоаппарат на длинных деревянных ножках. От вспышки пейзаж расплылся.

Я родилась на острове 20 января 1920 года. В моем свидетельстве о рождении записано 30 января 1920 года, потому что отец не мог добраться до регистрационной конторы на большой земле раньше. Бушевал зимний шторм, и никто не мог покинуть остров. Когда мы наконец смогли отправиться в плавание, как рассказывала мама, пляж был выстлан медузами, словно тропа серебристого льда. Мама, слава Богу, выжила при родах, ведь случись что, никто не пришел бы ей на выручку.

Остров простирался на три мили в длину и на милю в ширину, с маяком на восточной оконечности и мрачной пещерой на западной. На нем проживали двенадцать семей, проповедник и поляк Лукаш, смотритель маяка. Наш дом — Розовый коттедж — был вписан в склон холма, где ветры обходили его стороной. Отец говаривал, что из наших оконных стекол армия могла бы делать танки, так стойко они выдерживали непогоду. Местами стекло покорибилось и растрескалось, но сидело прочно в раме. В спальне по ночам сквозь трещину в стекле слышалось, как соседские козы зовут свой молодец, а иногда из дома на холме виднелся огонек свечи словно монетка, что держит равновесие на вершине.